

ЗНАЧЕНИЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКИХ КИТАЕВЕДОВ

П. Е. Скачков

Публикация первых трудов русских ученых-китаеведов в условиях дореволюционной России была сопряжена с большими трудностями. Они вызывались жесткими цензурными условиями, незаинтересованностью царского правительства в развитии русской науки, отсутствием материальной базы (не было, в частности, китайского шрифта, а затем квалифицированных наборщиков, в силу чего первая книга с китайским шрифтом — китайско-русский словарь Д. А. Пешурова — вышла только в 1887 году). Научные рукописи оставались подолгу в архивах авторов и по другим причинам (узость освещаемых тем, своеобразный характер таких материалов, как дневниковые записи, черновики и т. д.). В результате очень многие труды русских китаеведов длительное время не публиковались.

Об этом огромном рукописном научном наследии в области китаеведения до сих пор нет полных и точных данных. Выявление и описание неопубликованных трудов русских китаистов фактически началось только в годы Советской власти. До Великой Октябрьской социалистической революции были напечатаны лишь две работы: А. Любимова «О неизданных трудах о. Иакинфа и рукописях проф. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской духовной академии»¹ и В. М. Алексеева «Список рукописных трудов доктора Э. Бретшнейдера, поступивших в Азиатский Музей и библиотеку и [императорского] Ботанического сада»².

Советские ученые наибольшее внимание уделяли рукописям Иакинфа Бичурина (статьи С. А. Козина, А. А. Петрова, П. Е. Скачкова). Но лишь описание его рукописей, хранящихся в Казани (А. А. Петров) и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (П. Е. Скачков), можно считать законченным. О полноте коллекций другого русского китаеведа, В. П. Васильева, можно судить по библиографическому обзору С. А. Козина³ и по «Предварительному сообщению о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева» М. И. Тубянского⁴; о наличии рукописей С. И. Базилевского, Феофилакта Киселевского, К. А. Скачкова, Аввакума Честного — по нашему сообщению⁵; о рукописях Иллариона Россохина — по статье В. Тарановича⁶. Что же касается рукописей А. Г. Владыкина, П. И. Каменского, А. Л. Леонтьева, З. Ф. Леонтьевского, С. В. Липовцова, Палладия Кафарова, Д. А. Пешурова, Н. М. Монастырева, М. Д. Храповицкого и дру-

¹ «Записки восточного отделения русского археологического общества». Т. 18. СПб. 1907—1908, стр. 60—64.

² «Известия императорской Академии наук». Т. XVII. 1902, № 4, стр. 63—69.

³ «Известия Академии наук СССР». 1931. Отделение общественных наук, стр. 759—774.

⁴ «Доклады Академии наук СССР». Т. 3. 1927, стр. 59—64.

⁵ П. Е. Скачков. Забытый фонд рукописей К. А. Скачкова. «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 124—125.

⁶ В. Таранович. Илларион Россохин и его труды по китаеведению. «Советское востоковедение». Т. III. 1945, стр. 235—241.

гих русских китаистов, то о них до настоящего времени почти ничего не известно. Имеющиеся сведения о рукописях, хранящихся в том или ином архиве, явно недостаточны: они не дают точного описания объема и содержания рукописей, а иногда не устанавливают даже их авторскую принадлежность.

Представление о русском китаеведении будет оставаться недостаточным, пока в научный оборот не войдет громадное рукописное наследство русских китаеведов, которое накопилось на протяжении почти двух столетий. Не может быть написана и история отечественного китаеведения без знания содержания и характера неопубликованных трудов русских китаеведов. Бесспорно, что биографии последних также нельзя считать хорошо изученными, поскольку не исследованы их личные архивы.

При ознакомлении с рукописным наследием некоторые китаисты предстают перед нами в совершенно ином научном и политическом свете. Даже неполное знакомство с рукописями академика В. И. Васильева позволило коллективу китаеведов (З. И. Горбачевой, А. А. Петрову, Г. Ф. Смыкалову и Б. И. Панкратову)⁷ раскрыть научный и политический облик этого выдающегося ученого значительно ярче и глубже, чем это делалось раньше⁸. Или другой пример. После П. И. Каменского осталось немало трудов, до сих пор почти неизвестных научной общественности. При жизни он опубликовал только две небольшие работы; причем авторство одной из них (имеется в виду «Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария...»)⁹ было установлено лишь по записям самого П. И. Каменского. По рукописям Авакума Честного удалось установить, что первая в России грамматика тибетского языка была им составлена еще в 1830 году. Ряд китаеведов (например, Феофилакт Киселевский, Федор Бакшеев, Егор Солертовский и др.) не издали при жизни ни одного своего труда, но они оставили рукописи, дающие нам право отметить их имена и показать их вклад в науку, в накопление знаний о Китае в России.

Выявление и описание рукописей позволит поставить вопрос о практическом использовании многих неопубликованных трудов, о которых исследователи знают пока непросто мало и к которым они относятся иногда даже пренебрежительно. Так, сохранились рукописные переводы четырех классических книг «Сышу»: Иллариона Россохина (40-е годы XVIII в.), Иакинфа Бичурина (1821 г.) и Даниила Сивиллова (1830 г.). Между тем ряд советских китаеведов делает новые переводы тех же книг, не учитывая работы, проделанной нашими предшественниками. Это мешает объективно оценить немалые заслуги последних и использовать их труды как известную базу, несомненно, облегчившую бы перевод труднейших текстов. То же самое можно сказать и о переводах истории династий Мин, Юань, «Шуцзина», «Истории уголовного законодательства» и других классических китайских книг.

Среди рукописей можно найти и такой ценный материал, как дневники китаистов за время пребывания их в Китае, записи о культуре, быте, экономике китайского народа. Сохранились в личных архивах и многие оригинальные труды, по разным причинам не увидевшие в свое время свет. Советский исследователь, работающий над тем или иным конкретным вопросом китаеведения, должен ознакомиться со всеми —

⁷ «Очерки по истории русского востоковедения». Вып. 2. М. 1956, стр. 235—338.

⁸ А. О. Ивановский, В. П. Васильев. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского Университета. Т. 1. 1896, стр. 125—129; «Столетие дня рождения академика Василия Павловича Васильева. Речи, читанные на торжественном заседании Российской Академии наук». «Известия Российской Академии наук». Серия VI. Пггр. 1918, стр. 532—566.

⁹ «Сибирский вестник». Т. 3. 1823, стр. 29—110.

как опубликованными, так и рукописными — трудами на ту же тему, написанными в дореволюционное время.

Изучение Китая в России началось более чем триста лет назад. От отдельных представителей народов, которые имели связи с Китаем, русские землепроходцы, осваивавшие пространства Сибири, узнавали различные сведения об этой стране. Важную роль играли донесения первых русских путешественников в Китай — Ивана Петлина (1618 г.), Федора Байкова (1654 г.). В результате расспросов, проведенных П. И. Годуновым «с товарищи», была составлена в 1669 г. «Ведомость о Китайском государстве», которую можно назвать первым энциклопедическим сочинением о Китае.

Затем, когда границы обоих государств соприкоснулись на Амуре, в сообщениях о Китае все чаще и больше отражались непосредственные наблюдения официальных послов и торговых людей (Аблин — 1668 г., Милованов — 1672 г., Николай Спафарий-Милеску — 1675 г. и др.). Их сведения фиксировались в сравнительно незначительных масштабах: уведомлялись о виденном и слышанном обычно одни официальные лица. Донесения Петлина, Байкова, Спафария считались в России в свое время секретными. Позднее эти документы — свидетельства ранних сношений русского государства с Китаем — были опубликованы в России, но в архивах имеется огромное количество материалов, которые могут дать много новых, совершенно неизвестных данных по истории начала отечественного китаеведения или известных лишь в малой степени, как было, например, с документами о Петлине, найденными В. С. Мясниковым¹⁰.

После заключения Нерчинского договора 1689 г. русские торговые люди расширили торговлю с Китаем и добились по Кяхтинскому трактату 1728 г. права регулярно направлять свои караваны в Китай. Сведения об этой стране тогда собирались русскими купцами (до 1740 г. в Китай было отправлено 14 торговых караванов) и официальными лицами (Измайлов — 1719 г., Ланг — 1721, 1727, 1731 гг.). По Кяхтинскому трактату русское правительство получило право отправлять через каждые десять лет известное число духовных лиц для обслуживания албазинских пленных казаков, а также шесть человек для изучения китайского и маньчжурского языков.

Первым русским китаеведом был Илларион Россохин (1707—1761 гг.), прибывший в Пекин со второй миссией в 1729 году. Предшественники его — Иосиф Дьяконов (некоторое время являвшийся переводчиком с маньчжурского языка в Лифаньюане), Лука Воейков, Иван Шестопалов и Федор Третьяков — не оставили после своих занятий китайским и маньчжурским языками документов, по которым можно было бы судить о методе их работы и достигнутых ими результатах. Илларион Россохин вернулся в Россию в 1740 г. и сразу же был определен в Академию наук для переводов и преподавания китайского и маньчжурского языков. У него обучались Яков Волков, Леонтий Савельев, Семен Корелин и Степан Чекмарев. Хотя эта школа просуществовала около пяти лет, ученики Россохина не оставили следа в истории русского китаеведения. Сохранились, правда, их рукописные переводы с китайского и маньчжурского языков, характеризующие в известной мере систему обучения и степень полученных ими знаний. Учебные пособия, составленные Россохиным и сохранившиеся в рукописях, также имеют определенный интерес для изучения первоначальной фазы в развитии русского китаеведения.

Из рукописного наследства Иллариона Россохина, насчитывающего более двадцати наименований, назовем следующие: перевод с мань-

¹⁰ В. С. Мясников. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина. «Советское китаеведение». 1958, № 1, стр. 146—152.

чжурского языка «Истории о завоевании китайским ханом Канхием Калкаского и Элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (на 5300 страницах), законченный в 1750 г.; перевод китайской истории «Цзы чжи тунцзянь ган-му», перевод «Саньзыцзина» (троесловия), небольшой русско-китайский словарь (1744 год).

Переводы фундаментальных исторических трудов, выполненных И. Россохиным в 50-х годах XVIII в., не только свидетельствуют о способностях и трудолюбии их автора, но и устанавливают приоритет русской науки в данной области, так как до сих пор считалось, например, что первым переводом «Тунцзянь ган-му» являлся перевод Майя, опубликованный в 1777—1783 годах¹¹. Уже одно упоминание об этой части наследства И. Россохина подтверждает необходимость обращения к незаслуженно забытым рукописям для того, чтобы показать состояние русского китаеведения в середине XVIII века.

Алексей Леонтьев (1716—1786 гг.) — соавтор И. Россохина по большому труду¹² — оставил немного неопубликованных материалов. Однако они помогают выяснить несколько неизвестных ранее черт, характеризующих научную деятельность этого интересного человека, над биографией которого в настоящее время работает В. С. Колоколов.

В конце XVIII в. с шестой миссией (1771—1781 гг.) в Пекин были отправлены в качестве учеников Федор Бакшеев, Алексей Парышев, Яков Коркин и Алексей Агафонов. Последний известен как автор изданных в 80-х годах XVIII в. переводов с маньчжурского языка поучительных книжек императоров Кан-си и Шунь-чжи и хронологии Китая. Его рукописи, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, являются подлинниками этих переводов. Федор Бакшеев, имя которого почти забыто, также оставил след в истории русского китаеведения не только как переводчик при канцелярии иркутского губернатора (с 1782 г.) и при государственной коллегии по иностранным делам (с 1786 г.), но и как автор рукописи первого не только в России, но и на Западе маньчжуро-русского словаря (1776 г.).

Следующая группа учеников была отправлена в Китай в 1784 г. и пробыла там десять лет. Здесь следует отметить А. Г. Владыкина — автора первой маньчжурской грамматики, учебников маньчжурского языка и маньчжурского лексикона, обнаруженных в рукописях. Эти учебные пособия были составлены для школы восточных языков при коллегии иностранных дел, где А. Г. Владыкин с 1798 г. преподавал маньчжурский язык. Раньше в истории нашего китаеведения А. Г. Владыкин был известен лишь как автор двух небольших переводных статей. Найденные рукописи опровергают такую точку зрения. Вместе с А. Г. Владыкиным к миссии были прикомандированы еще три ученика: Егор Солертовский, Иван Филонов и Алексей Попов. После них остались носящие учебный характер переводы с маньчжурского и китайского языков. Изучение этих рукописей восполняет наши представления о состоянии китаеведения к концу XVIII века.

В XIX в. начинается второй этап «пекинского периода» изучения Китая в России. Русское китаеведение выдвинуло во второй четверти XIX в. крупнейшего сиолога в лице Иакинфа Бичурина. В его трудах отражены история развития отечественной науки о Китае, а также борьба между старым и новым, происходившая в то время во всех областях русской культуры.

И. Бичурину (1777—1853 гг.) благодаря его настойчивости, трудо-

¹¹ «Histoire générale de la Chine ou Annales de cet Empire traduites de Toung-kien-kang-mou. Par le feu Père Joseph Anne-Marie de Moyriac de Mailla». Paris. 1777—1783.

¹² А. Леонтьев, И. Россохин. Обстоятельное описание происхождения и состояния Маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего. Тт. I—VII. СПб. 1784.

люблю и большому таланту удалось опубликовать при жизни более 5 тыс. страниц своих трудов о Китае. Но он оставил также и огромное количество рукописей. Значение работ И. Бичурина для развития русского китаеведения отмечалось неоднократно в русской дореволюционной печати и в советское время. Его трудами русское китаеведение было поставлено на первое место в мировой науке о Китае.

Еще более грандиозной фигурой предстал бы И. Бичурин как ученый-синолог, если бы своевременно были опубликованы его переводы шестнадцати томов «Тунцзянь ган-му», «Китайско-русский словарь» в 12 бэнях (томах) и другие труды. Огромной заслугой И. Бичурина является организация в 1835 г. Кяхтинской школы китайского языка, предназначавшейся для обслуживания развивавшейся торговли России с Китаем. С этой целью И. Бичурин написал первую в нашей стране грамматику китайского языка, долгое время служившую учебным пособием. Вместе с И. Бичуриным в миссии состоял студент Михаил Сипаков — автор сохранившейся рукописи маньчжуро-русского словаря.

Современником И. Бичурина был П. И. Каменский (1765—1845 гг.), пробывший в Пекине с 1794 по 1807 г. учеником миссии вместе со Степаном Липовцовым. Он много сделал для развития русского китаеведения, хотя больше известен как начальник 10-й миссии¹³. О заслугах П. И. Каменского (с 1820 г. он архимандрит Петр Каменский) в отечественном китаеведении можно судить почти исключительно по найденным рукописям. Этот ученый оставил после себя такие труды, которые, если были бы опубликованы, могли сделать честь тогдашнему русскому китаеведению. Его перу принадлежат, например, полный перевод с маньчжурского языка истории династии Юань (Юаньши); «Падение минской и начало маньчжурской в Китае царской династии, или жизнь изменника Ли Цзи-чэна» и другие сочинения.

Заслугой П. И. Каменского нужно считать также составление и подготовку им к печати первого в России пятиязычного словаря (китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского), редактором которого являлся П. Шиллинг. Издание словаря было прекращено из-за отъезда П. И. Каменского в Пекин, куда он был назначен начальником духовной миссии. Все эти факты отражены только в рукописях.

После Степана Липовцова (1770—1841 гг.), известного своим переводом «Уложения китайской палаты внешних сношений»¹⁴, остались рукописи переводов истории династии Мин, книги Ци Ши-ия «Побег торгоутских калмыков из России в Зюнгарию», экземпляр оттиска набора этой рукописи и рукописей трех словарей (тонического китайско-русского, латино-китайского и маньчжуро-китайско-русского), относящихся к 1830—1838 годам.

В 1820 г., как уже отмечалось, в Пекин была отправлена 10-я миссия. Большинство ее членов, главным образом светских лиц, оставило значительный след в китаеведении. Даниил Сивиллов (1798—1871) стал первым профессором китайского языка при вновь открытой кафедре Казанского университета. После его смерти курс китайского, а также маньчжурского языков (изучение последнего было впервые начато в рамках университетского образования) читал бывший врач той же миссии О. П. Войцеховский (1793—1853 гг.). Алексей Сосницкий в качестве адъютанта занимался упражнениями со студентами в разговорном китайском языке. Два других члена миссии работали в Кяхте: Н. И. Вознесенский — переводчиком при таможене, а К. Г. Крымский — учителем Кяхтинской школы. З. Ф. Леонтьевский (1799—1864 гг.) много лет был переводчиком в Азиатском департаменте министерства иностранных дел.

¹³ «Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине». Вып. 1. СПб. 1905, стр. 48.

¹⁴ «Уложение китайской палаты внешних сношений». Тт. I—II. СПб. 1828.

Таким образом, по возвращении в 1830 г. в Россию из десяти членов 10-й миссии семь (включая П. И. Каменского) с успехом применяли на практике свои знания китайского и маньчжурского языков. Каждому из них принадлежат неопубликованные труды: Д. Сивиллову — переводы «Сышу», «Шуцзина», части «Шицзина», «Истории династии Чжоу», «Дао-дэ-цзина»¹⁵; З. Ф. Леонтьевскому — китайский лексикон в 15 томах с параллельным маньчжурским текстом, перевод на китайский язык трех томов «Истории Российского государства» Н. М. Карамзина, записи в дневнике и обстоятельная рецензия на рукопись статьи И. Бичурина «О неправильном произношении китайских звуков». В этой рецензии З. Ф. Леонтьевский решительно протестовал против транскрипции И. Бичурина и предлагал свою транскрипцию, близкую к той, которая была принята Палладием Кафаровым в его словаре.

Данная рукопись, следовательно, отражает происходившие тогда споры по вопросу о русской транскрипции китайского языка. Н. И. Вознесенский написал «Замечания о Китае» и составил русско-маньчжуро-китайский словарь; А. И. Сосницкий составил различные записки о Китае. Даже краткий перечень рукописного наследия членов 10-й миссии показывает, как ценны их неопубликованные труды. Характеризуя состояние русского китаеведения на определенном этапе в целом, они в то же время знакомят нас с новыми данными об отдельных китаеведах.

Из членов следующей, 11-й миссии (1830—1840 гг.) известны в истории китаеведения Аввакум Честной и врач Кириллов. По найденным рукописям можно восстановить еще два имени: Феофилакта Киселевского (заметки и переводы) и Г. М. Розова (перевод «Истории дома Цзинь»).

Аввакум Честной (1801—1866 гг.), длительное время работавший переводчиком в министерстве иностранных дел, опубликовал лишь две статьи. Но анализ трех папок его рукописей (более тысячи листов), вывезенных из Пекина К. А. Скачковым, позволяет установить, что именно он был автором первой грамматики тибетского языка в России, переводчиком с китайского языка описания истории Кореи. О деятельности А. Честного как ученого-китаеведа можно судить также по отчетным доносениям в Азиатский департамент.

Успехи членов следующих миссий становились все значительнее. Этому способствовала традиция накопления в библиотеке миссии книг не только на китайском, маньчжурском и тибетском языках, но и трудов на западноевропейских языках, посвященных Китаю. Изучению китайского языка во многом помогали имевшая широкое обращение грамматика китайского языка И. Бичурина и значительное число рукописных словарей. В архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранится 45 китайско-русских, маньчжуро-русских, русско-китайских и т. п. рукописных словарей, из которых около пятнадцати составлены в конце XVIII — первой половине XIX века. Несомненно, копии и оригиналы трудов членов предыдущих миссий оказали благотворное влияние на учеников миссии и некоторых духовных лиц.

Немало способствовал успехам русского китаеведения и Азиатский департамент министерства иностранных дел, непосредственно заинтересованный в изучении Китая, поскольку до 1860 г. единственным представителем России в этой стране была пекинская духовная миссия, выполнявшая одновременно некоторые функции дипломатического характера и доставлявшая необходимые сведения о Китае. Чтобы сохранить представительство России в Китае, Азиатский департамент из осторожности иногда даже воспрещал пекинской духовной миссии вести какую-либо религиозную пропаганду.

¹⁵ Частично опубликованы в «Известиях Одесского библиографического общества». Т. IV. Вып. 5—6. Одесса. 1915, стр. 209—245.

Наибольшего прогресса русское китаеведение достигло в трудах светских и духовных членов 12-й миссии, которые внесли существенный вклад в развитие русской науки о Китае. Имена В. П. Васильева (1818—1900 гг.), Палладия Кафарова (1817—1878 гг.), И. И. Захарова (1814—1885 гг.), В. В. Горского (1821—1847 гг.), врача А. А. Татаринова (1817—1876 гг.) известны по многим опубликованным ими работам. Китай переживал тогда первый открытый натиск колониальных держав — Англии и Франции (опиумные войны 1840—1842 гг., Нанкинский договор 1842 г., борьба китайского народа против англичан и маньчжур в 1841—1850 гг.). Это нашло отражение в трудах не только перечисленных выше китаеведов, находившихся в то время в столице Китая; с гневом писали о захватнических планах англичан в отношении Китая И. Бичурин и многие прогрессивные люди России.

Из сохранившихся рукописей членов 12-й миссии следует назвать дневник В. П. Васильева за 1840—1849 гг. (почти подготовленный к печати еще в 1925 г., но опубликованный лишь частично), записи китаиста и япониста И. О. Гошкевича, несколько рукописей (начало перевода У Сань-гуя, биография «Таранаты» и др.) В. В. Горского и две записки о Западном Китае И. И. Захарова.

В середине XIX в. в России, переживавшей процесс ломки крепостнических отношений, усилился интерес к постановке сельского хозяйства в других странах, в частности в Китае, о необыкновенных успехах которого в этой отрасли производства говорилось в книге И. Бичурина¹⁶ и его статьях, а также в работах И. О. Гошкевича, В. П. Васильева и И. И. Захарова и в переводных статьях. Серьезно изучением сельского хозяйства Китая занимался в Пекине в это время член 13-й миссии К. А. Скачков (1821—1883 гг.). Перу последнего принадлежат ценные опубликованные статьи и рукописи, посвященные данному вопросу (более 1 500 страниц). Из них историки-экономисты могут извлечь много полезных сведений. Кроме того, в коллекции К. А. Скачкова, хранящейся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, находятся его дневники, материалы по торговле России с Китаем, описание обычаев Китая и другой богатый содержанием материал¹⁷.

Палладий Кафаров, приехавший в Китай в качестве начальника миссии, оставил ряд рукописей, опубликованных после его смерти Н. Адоратским, Э. В. Бретшнейдером, Н. Веселовским и пекинской миссией¹⁸. П. Кафаров умер в Марселе в 1878 г., возвращаясь из Пекина на родину; судьба рукописей, которые он вез с собою, неизвестна. При миссии, руководимой П. Кафаровым, находился врач С. И. Базилевский (1822—1878 гг.). Рукописи его сочинений посвящены китайской медицине.

В настоящей статье нельзя не упомянуть о Д. А. Пещурове (1837—1903 гг.), который заведовал обсерваторией миссии, и враче К. А. Корниевском (1833—1878 гг.). Д. А. Пещуров, много лет преподававший китайский язык на восточном факультете Петербургского университета, оставил после себя рукописи аналитического разбора китайской грамматики «Циньвэнь цимэнь» и черновика изданного им китайско-русского словаря. Рукописные труды К. А. Корниевского заслуживают особого внимания. По ним можно судить, насколько глубоко и внимательно русские ученые изучали в то время (почти 100 лет назад)

¹⁶ И. Бичурин. Земледелие в Китае. СПб. 1844.

¹⁷ См. К. А. Скачков. Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца. М. 1958, стр. 347—348.

¹⁸ П. Кафаров. Китайская литература магометан. СПб. 1890; его же. Дорожные заметки на пути в Монголию в 1847 и 1859 гг. СПб. 1892; его же. Заметки о путешествии в Китай Ивана Петлина. «Записки восточного отделения русского Археологического общества». Т. VI, 1891, стр. 303—308; его же. Извлечение из китайской книги «Шен-ву-цзи». «Известия братства православной церкви в Китае». 1907, №№ 46—55; «Китайский благовестник». 1907, №№ 3—4.

китайскую медицину. До сих пор рукописи Корниевского не утратили своей практической ценности.

Изучение и использование наследства крупного русского китаевода Э. В. Бретшнейдера (1833—1901 гг.), к сожалению, не начато до сего времени. Его труды «Geschichte der Mongolen», «Timur and his Successor», описание «Бэньцао ган-му» с индексом, его многочисленные работы по ботанике, ряд индексов (например, к «Юаньши») должны, несомненно, привлечь внимание советских китаистов и монголистов. Работа Э. В. Бретшнейдера по истории государства Западного Ляо переведена на китайский язык и издана в 1955 году.

Во второй половине XIX в. доминирующая роль в деле изучения Китая в России переходит от пекинской духовной миссии к восточному факультету Петербургского университета. Первым преподавателем китайского языка в Петербургском университете был академик В. П. Васильев (в 1855—1893 гг.). С 1878 по 1893 г. он являлся бессменным деканом восточного факультета Петербургского университета. Для подготовки преподавателей из числа окончивших факультет выделялись наиболее способные студенты, которые в течение двух лет должны были защитить магистерскую диссертацию. Последовательно преподаванием китайского и маньчжурского языков до 1917 г. здесь занимались: К. А. Скачков (1866—1867 гг.), Д. А. Пешуров (1867—1903 гг.), С. М. Георгиевский (1886—1893 гг.), А. О. Ивановский (1887—1903 гг.), П. С. Попов (1902—1913 гг.), А. И. Иванов (1905—1916 гг.), В. М. Алексеев (1910—1916 гг.). Почти все они были учениками В. П. Васильева.

После академика В. П. Васильева осталось громадное рукописное наследство. Полное описание его рукописей до сих пор не сделано. Серьезно и систематически архивом В. П. Васильева никто еще, по существу, не занимался. Над материалами по буддологии проделал большую работу М. И. Тубянский. Часть буддологических трудов В. П. Васильева и его дневник были подготовлены к печати еще в 1925 году.

Учениками В. П. Васильева, побывавшими на практической работе в Китае, П. С. Поповым (консул в Пекине), П. А. Дмитриевским (Ханькоу), Н. А. Поповым (Фучжоу) и другими написан ряд сочинений, среди которых имеются как опубликованные, так и сохранившиеся в рукописном виде. Наибольший научный интерес среди них представляют труды П. С. Попова (1842—1913 гг.) — автора многих работ о Китае. В рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина была обнаружена коллекция писем к П. С. Попову от В. П. Васильева, Е. К. Бюцова, П. И. Гомбоева, П. А. Дмитриевского, А. М. Кумани, Н. Ф. Ладыженского, И. В. Подерина, А. М. Позднеева, П. Ф. Унтербергера и других (всего около 130 писем). Эти письма раскрывают много интересных и важных деталей из истории не только китаеведения, но и русско-китайских отношений.

Если ныне сравнительно хорошо известны опубликованные сочинения предшественников советских китаеведов, чему частично помогает «Библиография Китая», изданная в 1932 г., то их рукописные работы почти совсем неизвестны. Крайне важно систематизировать эти рукописи, чтобы ввести в научный оборот содержащийся в них громадный фактический материал. Необходимо также подготовить к публикации наиболее ценные труды, а также выявить те работы, которые могут быть полезны нашим китайским товарищам историкам.

Подробное ознакомление с содержанием рукописного наследства отдельных китаеведов позволит более четко представить научный облик каждого из них, определить их место в истории русского китаеведения и тем самым нарисовать полную и точную картину истории отечественной науки о Китае в прошлом.